
ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 947

DOI 10.25730/VSU.2070.19.015

Иностранные переселенцы и специалисты в России в XVIII веке: законодательное регулирование пребывания (по материалам Полного собрания законов Российской империи)

О. К. Ермакова¹, Е. Ю. Рукосуев²

¹ кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. Россия, г. Екатеринбург. E-mail: ermakovaok@mail.ru

² доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. Россия, г. Екатеринбург. E-mail: rukosuev@mail.ru

Аннотация. В статье на основе материалов Полного собрания законов Российской империи рассматриваются законодательные основы приезда и пребывания на территории России иностранных переселенцев и специалистов. Особое внимание уделяется основным направлениям государственной политики по привлечению иностранцев, условиям въезда, выезда и перемещения их внутри России, отношению к религии, принятию подданства, условиям службы, социальному и юридическому статусу, владению имуществом, созданию ими промышленных предприятий, налогообложению.

Ключевые слова: российское законодательство XVIII века, иностранцы в России, переселенцы, колонисты, технические и военные специалисты.

Со времени создания Русского государства наблюдался постоянный интерес иностранцев, в частности европейцев, к нашей стране. Сотрудничество выражалось в различных формах: от приграничной торговли и создания торговых представительств до переезда на постоянное место жительства во внутренние районы страны, что благоприятствовало еще более активному их участию в налаживании прочных и долговременных экономических отношений. Этот процесс усилился в XVIII в., особенно в периоды правления Петра I и Екатерины II. Российское правительство было заинтересовано в приезде именно европейцев, которые, являясь носителями специальных знаний в самых разных отраслях науки и промышленности, способствовали распространению в России новейших достижений стран Западной Европы и выступали акторами внедрения прогрессивных технологий в промышленности, сельском хозяйстве и военном деле. Это нашло отражение в законотворческой деятельности правительства, которое большее внимание уделяло привлечению в страну европейских переселенцев и специалистов. Что касается приезда и пребывания в России представителей азиатских государств, то им на государственном и законодательном уровне отводилось второстепенное значение.

Изучение истории проживания иностранцев в России в XVI–XIX вв. – не новая тема в отечественной историографии. Среди ее различных аспектов важное значение занимает вопрос правового регулирования их положения. Первые исследования такого рода были созданы еще до революции А. С. Мулюкиным [10–13] и стали объектом пристального внимания современных историков: В. Н. Захарова [8], С. П. Орленко [16], А. М. Тесленко [21], Е. С. Смирновой [20], Т. Б. Николаевой [14], Т. А. Опариной [15], О. К. Ермаковой [4–7], И. С. Плеве [17] и др. При всей важности перечисленных работ, следует заметить, что они не содержат систематического анализа всего корпуса законодательства о иностранцах в динамике длительного развития. Настоящая статья призвана отчасти восполнить этот пробел, сосредоточив исследовательское внимание на выявлении основных тенденций и направлений эволюции правового статуса иностранцев в XVIII в. Этот вековой период выбран нами по двум причинам. Во-первых, именно в XVIII столетии происходят принципиально важные перемены в политике

государства по отношению к иностранцам как таковым: от представления о них как «неизбежном зле», которое приходится терпеть в силу необходимости, утилитарной полезности их использования, прежде всего в военной сфере, до формирования представлений о иностранных переселенцах как жизненно необходимом ресурсе развития разнообразных отраслей государственного хозяйства, как о людях, способных интегрироваться в многоликий и разнообразный сонм имперских подданных. Во-вторых, в силу отмеченных перемен, именно в это время, во многом стараниями российской власти, приток иностранцев в Россию приобретает по-настоящему масштабный характер и требует интенсивной законодательной работы по регулированию статуса различных групп иностранных выходцев.

В связи со сказанным мы считаем необходимым особо рассмотреть следующие вопросы: привлечение иностранцев и общие направления переселенческой политики правительства; условия въезда, выезда и перемещения иностранцев внутри России; вероисповедание; подданство и условия пребывания; гражданская и военная служба, чиновничество, социальный статус; возможности для заведения фабрик, заводов и мануфактур; уплата налогов, податей и владение имуществом; юридический статус и судопроизводство.

Источниковой основой нашего исследования послужат материалы, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи. Конечно, общеизвестным является то обстоятельство, что вопреки названию Полному собранию не присуща исчерпывающая полнота. Тем не менее корпус включенных в Собрание актов вполне представительный, в полной мере позволяющий определить основные направления и особенности государственной политики по отношению к иностранцам, пребывающим в империи. Крайне важно подчеркнуть, что особенностью Первого собрания законов, включающего 30 920 актов за период с 1649 по 1825 гг., является то, что в нем опубликованы не только собственно законоположения, но и немалое количество подготовительных документов. Часто указам предшествуют доклады министров либо равных им по статусу государственных чиновников или же учреждений, что позволяет узнать, как проходило обсуждение той или иной законодательной инициативы.

Полное собрание законов Российской империи – источник, к которому можно обращаться снова и снова, всякий раз убеждаясь, что исследование этого огромного массива законодательных актов по-прежнему нельзя считать исчерпывающим. Несмотря на сложность определения понятия «закон» для XVIII в. [3], очевидно, что, обращаясь к данному виду источников, мы имеем дело с документами, выражающими официальную позицию государства в лице государя и высших органов управления к тому или иному явлению. Массовое привлечение иностранцев в Россию, начавшееся с эпохи Петра I, привело к появлению законодательных актов, касающихся различных сторон данного процесса. Материалы Полного собрания законов позволяют реконструировать модель отношений между российским государством и иностранцами, а также формальный правовой статус иноземцев, каким он представлялся законодателю. В то же время источник часто отсылает нас к практике, поскольку содержит описания большого количества казусов, дающихся обычно в преамбуле документа в качестве обоснования ввода в действие того или иного законодательного акта. Тот факт, что на основании этих казусов создавались законы, свидетельствует либо о систематическом, повторяющемся характере подобного рода случаев, либо об их вопиющей природе (с точки зрения законодателя), что и заставляло принимать меры для урегулирования произошедшего и предотвращения аналогичных эпизодов с помощью законодательных норм.

Обращение к Полному собранию законов позволяет выделить основные стороны жизни иноземцев, подлежавшие, по мнению законодателя, юридическому регулированию. Направления законотворческой мысли определялись исходя из некоего намерения/декларирования или же создавались на основе прецедентов, в ответ на конкретное происшествие. Согласно концепции «социального контроля» Э. Росса, именно закон наряду с общественным мнением являлся первичным методом социального контроля и краеугольным камнем в системе социального порядка [22, с. 3].

Привлечение иностранцев и общие направления переселенческой политики. Ключевой комплекс законов составляют указы и манифесты, направленные на привлечение иностранцев в Россию и декларирующие условия переселения и организации службы иноземцев. Такие законодательные акты задавали направления политики в отношении иностранцев и устанавливали рамки правового положения иноземцев. Первым законом подобного рода является указ великих государей Ивана V и Петра I от 7 мая 1695 г. «О посылке в Германию иностранца Матвея Поппу со штуфами свинцовой и серебряной руды для учинения оным пробы,

и о приглашении в российскую службу иностранцев, знающих горное искусство». М. Поппу было приказано найти специалистов, которые могли бы дать заключение о качестве представленных образцов руды, содержании в ней металлов и их цене на зарубежных рынках, а также дать рекомендации, прибыльно ли будет на месте обнаружения этой руды строить большой завод. Кроме того, ему поручалось пригласить иностранцев, знающих горное искусство, в российскую службу и узнать, на сколько лет они готовы наняться на работу и какое запросят месячное жалованье [18, т. 3. № 1512].

Навыки иностранных мастеров в сфере горного дела использовались и ранее [9, с. 47–48]. Однако в XVII в. въезд в Россию, а тем более выезд из страны иноземцев были сопряжены со многими трудностями, а сроки службы едва ли могли ограничиться определенным количеством лет. Тот факт, что М. Попп должен был «разведать», на каких условиях иноземцы согласны служить российским государям, свидетельствовал о готовности русского правительства вести переговоры и учитывать пожелания специалистов в процессе найма. Следует все же отметить, что в начале XVIII в. были распространены случаи, когда иностранцы «договаривались» о службе с российскими посредниками, но конкретные условия устанавливались уже по прибытии в Россию. Например, несколько иностранных каменщиков, приехавших вместе с командой архитектора Д. Трезини, были приняты на российскую службу без «договорных писем», довольствовавшись лишь устным обещанием русского посла в Копенгагене Андрея Измайлова выплачивать им определенную сумму жалованья [19, ф. 150, оп. 1, д. 12, л. 10–11].

Следующий акт подобного рода появляется после «Великого посольства», когда Петр I разворачивает активную политику по приглашению иностранных специалистов в Россию. 16 апреля 1702 г. утвержден манифест «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания», в котором царь призвал иностранцев приезжать в Россию на постоянное жительство, «дабы наши подданные могли тем более и удобнее научиться, поныне им неизвестным познаниям, и тем искуснее становиться во всех делах», объявив при этом об отмене всех существовавших ранее запретов на въезд иностранцев в страну. Не случайно даже в названии манифеста подчеркнута даруемое иноземцам право свободы вероисповедания. Ведь в предшествующий период господствовала практика «перекрещивания» иностранцев, поселяющихся в России, тогда как не принявшие православие иммигранты существенно ограничивались в правах [15]. Теперь же всем решившимся на переезд даровалось право исповедовать свою религию, строить храмы в столице и крупных торговых городах. В документе подчеркивалось, что в первую очередь Россия нуждается в военных специалистах и торговцах, а также людях, знающих различные «художества». Иностранцы, следовавшие на службу в российское войско, бесплатно снабжались подводами, им гарантировалась всяческая поддержка и обеспечение безопасности в пути [18, т. 4. № 1910].

Согласно тому же манифесту, предполагалось судить иностранцев за провинности в специально создаваемой Тайной военной коллегии, которая правосудие «чинила бы, во первых, по законам Божеским, а потом по Римскому гражданскому праву и другим народным обычаям», но при этом «наши царские преимущества, права и принадлежности всегда соблюдаемы будут». Юрисдикция нового органа включала разбирательства по судебным делам с участием всех офицеров и рядовых, входивших в «иноземный военный штат», вместе со всеми их челядниками, а также прочих иноземцев, которые каким-либо образом зависели от военного ведомства. После окончания службы по контракту всем специалистам гарантировалось свободное возвращение на родину [18, т. 4. № 1910]. На практике же оказывалось, что в петровскую эпоху иностранцам вовсе не легко было покинуть Россию после окончания контрактов. В сущности, иностранец в этот период полностью находился в зависимости от воли государя. Независимо от условий, оговоренных в контрактах, иноземца даже без его согласия могли отправлять на другие места службы, а после завершения срока договора всячески удерживать от выезда из страны. Показателен пример бергмейстера И. Гейденрейха, силой отправленного для обзора серебряных рудников в Нерчинск [19, ф. 271, оп. 1, кн. 169, л. 40 об.]. Кроме того, в первой половине XVIII в. специалисты нередко оставались на службе, не продлевая контракт [2, ф. 24, оп. 1, д. 1253, л. 24–28].

Наряду с общими «призывами» к иностранцам появляются специальные указы, адресованные представителям конкретных профессий. Так, 20 августа 1715 г. генерал А. А. Вейде представил Петру I доклад «О призыве в Россию ученых и в правоведении искусных людей». Петр I распорядился платить каждому специалисту по 500 руб. в год, обеспечивать бесплатно готовым домом, предоставлять переводчиков. Чины предполагалось давать ассессорские, а

если иноземец служил за границей выше чином, то принимать тем же чином, но с платой как асессору, «а когда дело свое исполнит, сверх того награждаем будет» [18, т. 5. № 2928].

Следующий этап целенаправленной иммиграционной политики и привлечения иностранцев, характеризующийся гораздо более крупными масштабами, пришелся на период правления Екатерины II. 4 декабря 1762 г. был опубликован Манифест «О позволении иностранцам выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу» [18, т. 16. № 11720]. Через год после вступления Екатерины II на престол, 22 июля 1763 г., издается ключевой манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» [18, т. 16. № 11880], до конца века являвшийся основополагающим документом о статусе иностранных переселенцев, приезжавших в Россию и положивший начало серии законов об иностранных колонистах.

Согласно Манифесту, всем иностранцам разрешалось въезжать в империю и селиться в любой губернии. Для управления процессом переселения иностранцев, распределения их по отдельным районам страны и обустройством на местах создавалась специальная «Канцелярия опекунства иностранных», президентом которой стал граф Г. Г. Орлов. Тем иностранцам, которые желали переехать в Россию, но не имели для проезда достаточно средств, выдавались деньги на проезд и пропитание. По прибытии в Россию они должны были явиться в Канцелярию опекунства или в управу приграничного города (Киев, Смоленск, Псков), чтобы «объявить решительно свое намерение», желают ли они записываться в купечество или в цехи, быть мещанином и в котором городе, или поселиться колониями и местечками на свободных и выгодных для хлебопашества и других занятий землях, на которых разрешено селиться. Тем, кто изъявит желание ехать на поселение внутрь России, выдавались кормовые деньги и бесплатные подводки до выбранного ими места. При этом они обязывались сразу же принести «по вере своей и обрядам» присягу о подданстве и верности.

Всем прибывшим в Россию на поселение предоставлялась свобода вероисповедания. Разрешалось в колониях и местечках строить церкви и колокольни, иметь потребное число пасторов и других церковнослужителей, но запрещалось создавать монастыри и заниматься миссионерской деятельностью среди местного населения.

Вновь приехавшие в Россию освобождались от платы в казну налогов и податей, от выполнения обыкновенных или чрезвычайных служб и содержания постоев на следующих условиях: поселившиеся семьями в колониях на «праздных местах» получали такую льготу на 30 лет; пожелавшие жить в городах, записавшись в цехи и купечество, осевшие в Санкт-Петербурге, Москве, Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии, Карелии и Финляндии – на 5 лет; в остальных губернских, провинциальных и уездных городах – на 10 лет. Кроме того, новым горожанам предоставлялась квартира на полгода. Предполагалось, что только по истечении срока действия льгот чужестранцы начнут платить налоги и подати и нести все земские повинности, как российские подданные.

Согласно манифесту, разрешалось заниматься хлебопашеством и ремеслами, заводить мануфактуры, фабрики и заводы, особенно специализированные, «наипаче такие, коих ныне в России еще не учреждено». К таким фабрикам и заводам разрешалось покупать «надлежащее число крепостных людей и крестьян». Товары с новых предприятий разрешалось продавать внутри империи и за границу в течение 10 лет без уплаты портовой и пограничной пошлины. На постройку домов, заведение скота, покупку необходимых инструментов, припасов и материалов предполагалось выдавать из казны необходимую беспроцентную ссуду, которую заемщик должен был погасить через десять лет в три года равными частями. Поселившимся особыми колониями и местечками разрешалось внутреннюю жизнь строить на основе своих традиций и обычаев, а по всем «внешним» вопросам колонисты обязаны были повиноваться российскому гражданскому праву. В местах компактного поселения иностранцев разрешалось проводить торги и ярмарки без платежа пошлин в казну.

Иностранцам разрешалось провозить имущество беспошлинно, но только если оно предназначалось для собственного употребления, а не на продажу. Если же семья переселенцев везла с собой товары, которые предполагала продать в России, то их также разрешалось провозить беспошлинно, но только если их стоимость не превышала 300 руб. Такая семья обязывалась прожить в России не менее 10 лет. Если бы они решили покинуть страну раньше этого срока, то при обратном проезде через границу с них взыскивали бы ввозные и вывозные пошлины за этот товар.

Переселенцы освобождались от военной и гражданской службы, но если кто-нибудь из них пожелал бы добровольно вступить в военную службу солдатом, то ему при определении в полк полагалась награда в 30 руб. сверх обыкновенного жалованья. Все названные права и привилегии предоставлялись не только приехавшим иностранцам, но и их детям, как прибывшим с родителями, так и тем, которые родятся в России. Манифест гарантировал, что при желании любой переселенец может в любое время выехать из империи, уплатив в казну определенную долю от нажитого в России имущества: от 10 до 20%, в зависимости от времени проживания.

К манифесту прилагался реестр свободным и удобным к поселению землям. Перспективными для заселения считались земли в Тобольской губернии – близ Тобольска, в Барабинской степи, в районе Усть-Каменогорской крепости, по реке Иртыш и ее притокам; в Астраханской губернии от Саратова вверх по реке Волге и ее притокам; в Оренбургской губернии по реке Сакмаре, до реки Кинели и ниже города Самары, по Волге; в Белгородской губернии в Валуйском уезде. Предполагалось расширить этот перечень по мере приезда поселенцев. В дальнейшем колонистами стали заселять свободные земли в Причерноморье, Крыму и на Северном Кавказе.

22 июля 1763 г. была опубликована «Инструкция Канцелярии опекунства иностранных» [18, т. 16. № 11881]. В последующие годы последовало несколько уточняющих указов. 17 ноября 1764 г. утверждена форма соглашения с частными «вызывателями», которые брали на себя обязательства по формированию за границей организованных групп иностранцев, желающих переехать [18, т. 16. № 12283]. 9 декабря 1764 г. был опубликован указ Правительствующего Сената, регламентировавший порядок выдачи денежного пособия поселенцам, решившим жить в городах и записавшимся в ремесленные цеха. Денежное пособие они получали от Канцелярии опекунства иностранных, но, «чтобы выдаваемые в ссуду казенные деньги без возвращения не оставить», было решено не выдавать всю сумму на руки, а отсылать средства в Магистратскую контору «для выдачи оным, смотря по надобности и по рассмотрению той конторы». Магистратская контора пересылала деньги в гильдейский дом, а уже потом цеховой староста (алтерман) решал, кому, сколько и на покупку каких материалов и вещей необходимо выдать средств под расписку [18, т. 16. № 12290]. 11 октября 1765 г. утвержден Сенатский доклад «О дозволении выезжающим в Россию на поселение иностранцам привозить с собой беспошлинно товары на сумму до 300 рублей» [18, т. 17. № 12491], «дабы сим преимуществом особливо подать способ имеющим собственный достаток, приумножить оный». Данное правило удавалось обойти «вызывателям», которые записывали свои товары, превышающие сумму в 300 руб., на счет колонистов. Подобные ухищрения одного из «приватных наборщиков», Кано де Борегарда, были раскрыты Канцелярией опекунства иностранных [19, ф. 283, оп. 1, д. 56, л. 357 об.].

Иностранная иммиграция, инициированная Манифестом 1763 г., оказалась намного масштабнее, чем ожидалось. В результате, помимо огромных казенных расходов, убытки и неудобства испытывали сами колонисты, для которых не успевали строить дома, и на местах поселения случались длительные замешательства. В связи с этим в ноябре 1766 г. желающим переселиться в Россию иностранцам было высочайше объявлено о том, что прием колонистов остановлен до тех пор, пока не будут созданы необходимые условия для проживания и обустройства хозяйства уже приехавших и потенциальных переселенцев [18, т. 17. № 12793].

Наряду с общими манифестами законодательно утверждались правила поселения отдельных групп и категорий иностранцев. Например, 28 февраля 1767 г. высочайше утвержденным докладом президента Канцелярии опекунства иностранных графа Г. Г. Орлова были приняты «Правила для поселения вызываемых полковником Филиповичем и собою выходящих чрез Киев иностранцев». Данный документ положил начало серии законодательных актов, принятых в связи с переселением иностранных колонистов на территорию Малороссии. Среди вызванных полковником И. Филиповичем переселенцев числилось немало выходцев из Восточной Европы [19, ф. 248, оп. 43, кн. 3762, л. 54–82]. Между тем названный доклад Г. Г. Орлова содержал не только правила для поселения колонистов, набранных Иваном Филиповичем, но и «Постановлении о желающих селиться на особых привилегиях», созданные на основе прошения поверенных от «ромунского народа» (выходцев из Молдавии, Валахии и Трансильвании) Кука и Телебуца и утвержденные на особых условиях. Дарованные «ромунским» колонистам привилегии предполагали высокую степень автономии их поселения [18, т. 17. № 12793]. 17 ноября 1767 г. при Малороссийской коллегии была учреждена специаль-

ная Экспедиция «для надзирания над вышедшими чрез Киев и поселившимися там колонистами» [18, т. 18. № 13015].

По прошествии льготных лет, установленных Манифестом 1763 г. для иностранных колонистов, оказалось, что далеко не все из поселившихся близ Саратова иностранцев выполнили свои обязательства перед российским государством. По мнению Канцелярии опекунства иностранных, часть колонистов проявила себя способными к хлебопашеству и усердно исполняющими свои обязанности, в том числе по выплате ссудных денег. Другие же, напротив, «от лености, нерадения и развратной жизни» [18, т. 20. № 14302] впали в разорительное состояние, набрали новых долгов, а в земледелии оказались совершенно не искусны. В связи с открывшимися обстоятельствами именным императорским указом 1775 г. предписывалось принять ряд мер в отношении саратовских колонистов. Не исполнившие обязательства переселенцы в последний раз снабжались всем потребным к земледелию до следующей жатвы. Если же и в будущем они окажутся «нерадивыми и в лености обращающимися», то впредь никакой ссуды им уже дано не будет. Следующий пункт указа предусматривал учинение «разбора о способных и неспособных к хлебопашеству», «дабы избавить трудолюбивых поселенцев от развращающих оных дурными примерами товарищей» и лучшего присмотра за последними. Предполагалось собрать письменные «одобрения» о каждом переселенце. Не получившим одобрение колонистам следовало объявить, что, если они отдадут долги, то смогут свободно выехать из России. В противном случае им надлежало отправляться в города и заработанные там деньги отдавать государству в счет долга или же поступить на военную службу. Кроме того, на уплату долгов давалась пятилетняя отсрочка в связи с «произошедшим замешательством» при заселении колонистов. Наблюдение за порядком в колониях поручалось окружным комиссарам. Особым пунктом указа оговаривалось право «вызывателей», ставших к тому моменту директорами колоний, участвовать в «разборе» поселенцев [18, т. 20. № 14302]. Как представляется из практики, причины неудач колонистов могли состоять не только в их лености и нерадении. Многие иностранцы плохо представляли, куда они направляются и какие их ожидают условия [1, с. 29]. Вербовщики использовали всевозможные способы и уловки, чтобы привлечь как можно больше переселенцев, уверяя, например, что климат Саратова схож с климатом Лиона, и тому подобные вещи. Между тем климатические условия не благоприятствовали ряду отраслей земледелия, в частности развитию шелководства, которое так стремились ввести власти [17, с. 168].

После проведения «разбора» саратовских колонистов, указом от 9 февраля 1776 г., подтверждалось право признанных неспособными к хлебопашеству иностранцев переезжать в города с паспортами сроком не более одного года и обязательством выплаты казенных долгов из средств, заработанных какими-либо ремеслами или поденными работами. Все переезды фиксировались в местных административных органах. Выехать из России бывшие колонисты могли только при наличии соответствующего разрешения от Канцелярии опекунства иностранных. Учитывая, что многие иностранцы, не уплатив долгов, выехали из колоний как с паспортами, так и без таковых, а впоследствии никак о себе не объявляли, было принято решение послать во все губернские, провинциальные и городские канцелярии указы о не задержании на местах иностранцев по истечении сроков их паспортов под страхом штрафов, как за укрывательство беглых [18, т. 20. № 14432].

По указу от 20 апреля 1782 г. упразднились Канцелярия опекунства иностранных и ее контора в Саратове. Дела о долгах переселенцев передавались в Казенную палату Саратовского наместничества [18, т. 21. № 15383]. Колонисты, отпущенные в города после учинения «разбора», переводились в ведомство тех наместнических и губернских правлений, где они находились [18, т. 21. № 15411]. По указу Павла I 1797 г. была создана Экспедиция государственного хозяйства опекунства иностранных и сельского домоводства при Сенате. Ее ведомству подлежали иностранцы, занимавшиеся различными ремеслами и промыслами, земледелием, устройством фабрик и мануфактур [18, т. 24. № 17865, № 17866]. В том же году под ведомством новой Экспедиции была восстановлена Саратовская контора опекунства иностранных [18, т. 24. № 18021, № 18022].

В течение правления Екатерины II продолжали выходить законы, призывавшие иностранцев селиться на определенных территориях. Манифест от 14 июля 1785 г. разрешал иностранцам переселяться в города и селения Кавказской губернии и отправлять беспрепятственно торги, промыслы и ремесла. Властью гарантировались «защита и пособие», свобода вероисповедания, а также увольнение от податей на шесть лет. Если по прошествии льготных

лет иностранцы пожелают выехать из России, то будут иметь на это право с условием выплаты трехлетней подати [18, т. 22. № 16226].

Условия въезда, выезда и перемещения внутри России. Обширный комплекс составляют законы, регулирующие правила въезда иностранцев в Россию, выезда за ее пределы, а также перемещений внутри страны. Появление и трансформации такого рода законодательных норм происходили во многом под влиянием международной конъюнктуры. Условиям и возможности проникновения иностранцев в Россию традиционно уделялось повышенное внимание. Контроль за въездом иноземцев в пределы Российского государства, особенно в столичные города, осуществлялся на уровне административных структур пограничных территорий, специальных полицейских органов, а некоторые законы предписывали пропускать иностранцев только с разрешения государя. Так, в 1689 г., в самом начале правления Петра I и Ивана V, новгородскому воеводе была дана грамота, согласно которой приезжих иноземцев следовало особенно тщательно «расспрашивать» и вне зависимости от того, покажут ли они, что «едут в службу, или для повидания с сородичи, или для иных каких дел к Москве», задерживать в Великом Новгороде и до царского указа к Москве не пускать. Поводом для создания грамоты послужило обнаружение еретика, иноземца Квирина Кульмана, ехавшего из Голландии якобы для свидания с родственниками [18, т. 3. № 1358].

Перемещения иностранцев внутри государства разрешались в уведомительном порядке. Контроль за въезжающими в Санкт-Петербург иноземцами, по именному указу Петра I от 31 августа 1719 г., осуществляла Канцелярия полицмейстерских дел. Все иностранцы, прибывшие в Петербург, обязаны были явиться в канцелярию, где их расспрашивали о том, откуда они приехали и чем намерены заниматься. Далее иноземцев отсылали в Адмиралтейскую, Военную или Коммерц-коллегию, в зависимости от избранного рода службы. В свою очередь, вышеперечисленные коллегии должны были извещать о поступивших в их распоряжение иноземцах Коллегию иностранных дел. Выехать из России иностранцы имели право только при наличии абшида (документа об отпуске иностранца, от нем. Abschied – расставание, отставка, увольнение) с государственной печатью. Абшид выдавался в коллегии, соответствующей месту службы иноземца, а «для запечатывания государственной печатью» посылался в Коллегию иностранных дел [18, т. 7. № 4284].

Для выезда иностранцев из России устанавливались определенные сроки. Сенатским указом 1720 г. предписывалось, чтобы в паспортах, выдаваемых иноземцам для выезда за границу, указывались сроки, в течение которых необходимо покинуть Россию. Продолжительность действия паспортов зависела от того, каким путем следовали иностранцы: «выезд из Санкт-Петербурга две недели, а за рубеж через Ригу и Смоленск в месяц, а чрез Киев два месяца, а чрез другие места смотря по расстоянию дальности». Если же иностранец задерживался в России дольше обозначенного в паспорте срока, ему предстояло дать объяснения и просить о новом паспорте [18, т. 6. № 3674].

Дополнительные меры контроля за перемещениями иностранцев вновь возлагались на Канцелярию полицмейстерских дел по указу от 16 августа 1721 г. в связи с тем, что «известно учинилось», будто приезжающие и отъезжающие иноземцы берут в Санкт-Петербурге у обывателей заимообразно «деньги и прочее» и, не возвратив долги, уезжают. Дабы пресечь подобные недоразумения, указ предписывал пропускать иноземцев на заставах только при наличии в паспортах отметки Канцелярии полицмейстерских дел. Отметка делалась не сразу. Когда иноземцы обращались в канцелярию, о них следовало сначала объявлять «по публике конечно в три дни». За это время местные жители должны были известить канцелярию, если на перечисленных иноземцах имеются долги. При условии, что в течение трех дней никаких заимодавцев не объявлялось, иностранец получал подпись Канцелярии полицмейстерских дел и мог свободно выезжать из Санкт-Петербурга [18, т. 6. № 3812].

Спустя два года появился именной указ, защищавший теперь уже отъезжающих иноземцев, поскольку «Его Императорскому Величеству известно учинилось, что де от вышеозначенной публики [обыватели, объявляющие о долгах иноземцев. – *Авт.*], оным отъезжим иноземцам бывает оскорбление, а шкиперам остановка» [18, т. 7. № 4354]. Согласно новому указу от 8 ноября 1723 г., иностранцев разрешалось отпускать без публикации о них сведений на случай объявления заимодавцев, если отъезжающий подтверждал, что долгов не имеет и давал письменные поручения. Если же поручителей у иноземца не имелось, то с ним следовало поступать сообразно предыдущему указу 1721 г. [18, т. 6. № 3812]. С поручителями у иностранцев возникали трудности. Так, рудокопный мастер И. Риттер, приехавший на рос-

сийскую службу из Швеции в конце 1737 г. и уже в июле 1738 г. пожелавший вернуться на родину, сетовал, что «поручиков де здесь яко в чужой земле где ево никто не знает обыскать ему невозможно» [19, ф. 271, оп. 1, кн. 194, л. 186 об.]. Тем не менее, иностранного мастера отпустили без порук, приняв во внимание, что он пробыл в России совсем недолго и подписался в отсутствии долгов, и к тому же имел на руках все необходимые паспорта. К проблеме поручительства законодатель вернется в 1762 г.: по указу «О наблюдении, чтобы поручители об отъезжающих за границу были люди благонадежные», поручители обязывались представлять «от своей команды или где кто в ведомстве состоит» письменное свидетельство, «и один подписавшийся уже порукою по других более не ручался» [18, т. 16. № 11663].

С августа 1723 г. паспорта уезжающим иноземцам выдавались не теми коллегиями, к которым они относились в соответствии с родом занятий, а Коллегией иностранных дел. Иностранцев, отъезжающих морем и явившихся с паспортами в Адмиралтейств-коллегию, надлежало «свидетельствовать, подлинно ли тот, кто отпущен, не подменной ли» [18, т. 7. № 4284]. Следовательно, случаи «подмены» имели место.

31 августа 1732 г. был издан Сенатский указ «О незадержании в России художников и мастеровых людей из иностранцев, сверх определенных по контрактам их сроков», который предписывал незамедлительно выдавать иностранцам паспорта для отъезда на родину после окончания срока действия их договоров, если с ними не заключено новых контрактов. Причина состояла в том, что «задержавшиеся» иностранцы требовали продолжения выплаты жалованья по прежним контрактам [18, т. 6. № 3812].

Не все указы, касающиеся перемещений иноземцев, вошли в Полное собрание законов Российской империи. Так, например, несмотря на существование довольно строгих законов и весьма суровой практики в отношении иностранных специалистов в петровскую эпоху, в этот же период создавались указы, направленные на формирование положительного образа России в глазах иноземцев. В материалах архива Берг-коллегии неоднократно встречаются отсылки к именному указу от 13 июня 1722 г., по которому «велено вывезенных из других государств мастеровых людей содержать во всяком довольстве, а при отъезде в их отечество спрашивать, волею ли отъезжают, и нет ли или не было ль ему какой тесноты, и доволен ли отъезжает, и буде скажет доволен – оного отпускать с совершенным довольством, дабы приехав, жалобы не имел, что их худо трактуют и впредь бы тем вывоз мастерам не пресечен был» [19, ф. 271, оп. 1, кн. 197, л. 326-326 об.].

Не вошел в Полное собрание законов и именной указ Анны Иоанновны 1737 г. о том, что всем отъезжающим из России сухим путем через Нарву и Ригу, «какого бы чина и звания люди ни были», сверх паспортов, которые даны им в тех местах, откуда они выехали, иметь особый паспорт за подписью всех сенаторов. В Сенат же заблаговременно требовалось предоставлять сведения о том, кто и куда выезжает, и не имеется ли на нем государственных или частных долгов [19, ф. 271, оп. 1, кн. 194, л. 186]. Однако именованным указом от 31 декабря 1740 г. отменялся порядок подписания паспортов выезжающим иностранцам в Сенате. Поскольку от этого происходила «немалая остановка и замедление», было принято решение вернуться к практике выдачи паспортов Коллегией иностранных дел [18, т. 11. № 8307].

В 1738 г. вышел Сенатский указ, уточняющий правила въезда и выезда иноземцев, приезжающих через Кронштадт. Вновь подчеркивалась роль полицейского контроля над иноземцами: все приезжающие и отъезжающие через Кронштадт иноземцы должны были являться и отмечать паспорта в Кронштадтской полицмейстерской конторе [18, т. 10. № 7668].

Политика в отношении пропуска иностранцев на территорию Российской империи менялась в зависимости от внешнеполитической ситуации. В условиях Русско-шведской войны 1741–1743 гг. законодательство предписывало пропускать только тех иностранных офицеров, которые имеют паспорта «за королевскими руками с подлинным о том освидетельствованием». Шведов же «всякого чина и достоинства», в том числе и тех, кто уже несколько лет жил не в Швеции, вообще запрещалось пропускать в Россию [18, т. 11. № 8749].

Сенатский указ от 30 октября 1744 г. возвратил порядок въезда иностранцев, установленный указом Петра I в 1719 г., по которому иноземцев следовало записывать в Канцелярии полицмейстерских дел, а затем отправлять в ведомство по месту их службы, посылая при этом в Коллегию иностранных дел рапорты [18, т. 12. № 9055].

С конца 1780-х гг. процедура въезда иностранцев в Россию усложняется в связи с нестабильной военно-политической обстановкой в Европе. В 1790-е гг. усиливается контроль и надзор за иностранными подданными в Российской империи. С 1789 г. и до начала 20-х гг.

XIX в. был затруднен въезд иностранцев в Россию, ужесточались правила пропуска их в империю [20, с. 126–134].

По именному указу Екатерины II от 8 февраля 1793 г. прекращались торговые сношения с Францией, из России высылались французские дипломатические представители, а также в трехнедельный срок следовало выехать всем французам (купцам, ремесленникам, учителям и пр.), «признающих нынешнее в земле их правление». Однако если находящиеся в России французы принимали присягу в том, что не признают новой власти в их отечестве, а также обязуются не иметь никаких сношений с «одноземцами», «повинующимся нынешнему незаконному и неистовому правлению», они имели право остаться. Впускались в Россию только французы, преданные королю и принцам крови, при условии принятия соответствующей присяги, форма которой прилагалась к указу [18, т. 23. № 17101]. Подобная же форма присяги была утверждена в апреле 1798 г. для живущих в России и въезжающих в ее пределы швейцарцев [18, т. 25. № 18467].

В конце XVIII в. выходит ряд законодательных актов «о наблюдении за иностранцами». Законы предписывали вести «наиприлежнейшее наблюдение» за приезжающими иностранцами относительно их поведения, а если какие-либо из них окажутся подозрительными, немедленно высылать их обратно за границу [18, т. 23. № 17201, т. 24. № 17683, № 17689]. 28 июня 1798 г. Павел I издал именной указ «О правилах, кои наблюдать следует при пропуске в Россию иностранцев». Все чужеземцы, пересекающие границу для торговли, должны были иметь при себе рекомендательные или поручительные письма от торговых домов того города или государства, где они жительствоуют, «к кому-либо из наших подданных, или же из иностранных, под покровительством в державе нашей поселившихся» и пропускное свидетельство от российских дипломатических представительств, с подробным описанием: кто именно, откуда, с какой целью и куда следует и по каким дорогам предполагает проехать. Пограничной страже вменялось в обязанность проверять такие свидетельства и рекомендательные письма, а «сомнительных» чужеземцев «задерживать на самой границе под присмотром» до получения высочайшего распоряжения [18, т. 25. № 18565]. Что же касается иностранцев, живших в России постоянно, то указ от 26 октября 1797 г. предписывал, чтобы «всякий пребывающий в России избирал непременно какой-либо известный род состояния, и чтобы каждый неотъемлемо по званию своему нес повинности, законом определенные» [18, т. 24. № 18223].

Вероисповедание. Важное место в законодательстве об иностранцах в России занимают вопросы религии и вероисповедания. Как уже отмечалось, Петр I узаконил право иноземцев, принятых на службу в России, исповедовать свои религии и строить церкви. Но оставался еще один аспект, касающийся вероисповедания, – браки между иностранными специалистами и православными российскими подданными. Поводом к смягчению норм в отношении смешанных браков послужило обращение Берг-коллегии к Синоду в связи с тем, что у многих шведских пленников, поступивших на российскую службу по горному делу и женившихся на русских девушках, «за разность веры жен поотняли, и отданы другим в супружество». По мнению Берг-коллегии, обретающимся при рудных промыслах шведским пленным следовало разрешить жениться на православных без перемены веры, поскольку «в чужих краях в рудных делах гораздо искусных людей достать трудно, и мало таких сыскать можно, дабы кто, тамо оставя свои дома и промыслы, и в Россию пошли в службы». В результате было издано «Послание Святейшего Синода к православным о беспрепятственном им вступлении в брак с иноверцами» [18, т. 6. № 3814].

9 июня 1763 г. состоялось утверждение Сенатского указа, подтверждавшего разрешение иностранцам, приехавшим в Россию на постоянное жительство, строить и содержать по их законам церкви в тех местах, где они селиться пожелают [18, т. 16. № 11853]. В 1765 г. специально для обеспечения свободы вероисповедания и отправления богослужения иностранными колонистами, поселившимися в Саратове, президентом Канцелярии опекунов иностранных были выписаны два патера из Рима [18, т. 17. № 12303]. Кроме того, в январе 1765 г. граф Г. Г. Орлов предложил строить в каждом иностранном селении на порозжих землях церкви за казенный счет, поскольку только что приехавшие колонисты «по бедности своей» еще долгое время не смогли бы осилить строительство и содержание церквей. Было решено взыскивать с колонистов деньги за устройство церквей постепенно, в течение последующих лет [18, т. 17. № 12322]. 12 февраля 1769 г. был принят Регламент Санкт-Петербургской римско-католической церкви [18, т. 18. № 13252].

Именной указ Екатерины II от 28 февраля 1784 г. разрешал Могилевскому архиепископу определять в должности римско-католических церквей выходцев из иностранцев при условии принятия ими российского подданства, из которого они, однако, могли в любое время выйти, если пожелают выехать из страны [18, т. 22. № 15943].

Подданство и условия пребывания. Вопрос подданства по-разному решался для различных категорий иноземцев. Специалисты, приехавшие на ограниченный срок, оставались в статусе иностранцев. Для тех же, кто намеревался осесть в России, стать колонистом или вступить в службу, принятие подданства являлось обязательным условием полноценного существования. Регламент об управлении Адмиралтейства и верфи 1722 г., содержащий ряд пунктов об иностранцах, отсылает к проблеме подданства, статуса и вообще понятия «иноземец». Пункт 61 гласит: «Иноземцы считаются те, которые приехали из иных государств и вступили в службу. А которые породились в России, и приняли службу, те яко россияне почтены имеют быть». Обучать детей иноземцев в Адмиралтействе разрешалось только при условии принятия ими присяги на вечное подданство [18, т. 6. № 3937]. Такое же определение иноземцам дано и в более позднем, екатерининском Регламенте об управлении Адмиралтейств и флотов 1765 г. [18, т. 17. № 12459].

Поскольку в законодательстве об иностранцах особое внимание уделялось выходцам из Швеции, 23 сентября 1741 г. был издан Сенатский указ о шведских подданных, желающих остаться на жительство в России. Приказывалось шведов, которые «прежде показали, что желают ехать в отечество, а ныне при высылке их объявили, что они в отечество ехать не хотят, а желают, как и прочие шведские подданные, остаться в России и присягу учинить» не высылать, а присягой в верности обязать, как и других шведских подданных, оставшихся в России [18, т. 11. № 8452].

Сенатским указом от 27 августа 1747 г. утверждалась форма присяги иностранцев на вечное подданство России. Законом предписывалось напечатать до 500 экземпляров присяги на русском и немецком языках и разослать их в Военную, Адмиралтейскую коллегии и в Коллегию иностранных дел, а также в Рижскую, Ревельскую и Выборгскую губернии. Текст «Клятвенного обещания» практически полностью совпадал с общей формой присяги на верность службы [18, т. 11. № 8780], за исключением специфических обязательств иноземцев. Бывший иностранный подданный обещал без императорского соизволения и указа не выезжать за границу и не вступать в чужестранную службу. Также, принимая вечное подданство, иностранец обязывался «с неприятельми Ея Императорскаго Величества вредительной откровенности не иметь, ниже какую заповедную корреспонденцию внутрь и вне Российскаго Государства содержать» [18, т. 12. № 9434]. Данная форма была вновь опубликована и утверждена Петром III в марте 1762 г. [18, т. 15. № 11466].

Встречающееся в источниках понятие «временного подданства» использовалось в законах о торговых иноземцах. Например, согласно Сенатскому указу 1744 г., персидских купцов, добровольно пожелавших выезжать в Россию селениями для торговых целей, надлежало принимать в Астраханской губернской канцелярии, записывая «во временное подданство, а не вечно». С таких персидских торговцев предписывалось «вместо всех податей брать по рассмотрению тамошняго Магистрата, а с товаров надлежащую пошлину». Как только кто-либо из купцов больше не захочет жить в России, следовало его отпустить, взяв с них положенное число податей [18, т. 12. № 8919]. Для иностранных купцов различия временного и вечного подданства означали разницу в правах, по сравнению с русскими подданными. В соответствии с Торговым уставом 1755 г., иностранные купцы, вступившие во временное подданство, получали только право розничной торговли. Пошлины они платили наравне с «незаписавшимися» иностранными купцами, а также уплачивали подати за освобождение от служб. При возвращении на родину с них удерживалась десятая доля капитала. Только те иностранцы, которые вступали в вечное подданство и записывались в местное купечество, получали все права русских купцов, включая пошлинные льготы [8, с. 357–359].

Различия между временным и вечным подданством ликвидировались именными указами Екатерины II 1782–1783 гг. Отныне временное подданство ничем не отличалось от вечного, кроме собственно срока действия, «ибо всяк из таковых иностранцев вписывается во оное до тех пор, покуда собственную для себя выгоду находит» [18, т. 21. № 15322, № 15854].

Форма присяги иностранцев на вечное подданство оставалась неизменной до конца XVIII в. Сенатский указ от 6 июля 1793 г. «О приводе к присяге служащих в армии чужестранцев, желающих вступить навсегда в Российское Подданство...» предписывал принимать при-

сягу по форме, изданной 27 августа 1747 г., которая «составлена из прежней 1721 года присяги, и пополнена вновь» [18, т. 23, № 17138].

Гражданская и военная служба, чиновничество и социальный статус. В петровскую эпоху законодательно закреплялся порядок чиновничества иностранцев при их вступлении в российскую службу. По именному указу 1722 г. о производстве в чины сухопутных офицеров по Морскому регламенту, иностранцев, поступающих на русскую службу, следовало «рангами унизить», за исключением обязавшихся в вечной службе [18, т. 6, № 3913].

В 1730 г. устанавливалось отдельное правило в отношении иностранных офицеров Инженерного корпуса. Таковых, по мнению Военной коллегии, следовало принимать «теми же чинами, освидетельствовав их искусство». Причиной издания указа послужило недовольство иностранных офицеров, которые «служили в знатных иностранных регулярных войсках, при инженерных делах» и пожелали вступить в российскую службу временно или вечно. Однако те офицеры, которые служили в войсках иного рода, но объявляли, что искусны в инженерном деле, принимались на службу «унизия одним рангом» [18, т. 8, № 5504]. 2 ноября 1731 г. был дан императорский указ Сенату о принятии на русскую службу «инженер-офицеров» иностранцев из Пруссии и из других стран для укомплектования артиллерийских и «фортификационных» частей армии [18, т. 8, № 5865].

В первые годы правления Анны Иоанновны иностранцы принимались в обер-офицеры русской армии только после получения на то императорского указа (согласно указу от 15 мая 1733 г.) [18, т. 9, № 6404]. Однако в 1736 г. именным указом, данным генерал-майору Л. А. фон Бисмарку, разрешалось определять иностранцев на вакантные места до штаб-офицерских чинов без особого императорского разрешения, но не чиня при этом притеснения русским офицерам [18, т. 9, № 6866].

Правила приема в службу иностранных офицеров, как следует из резолюции Кабинета министров на доклад Военной коллегии об офицерах Бутлере и Албрехте от 16 мая 1737 г., предполагали «для принятия службы приезжающих, чужестранных офицеров напрасно не волочить, но по надлежащем освидетельствовании достоинства их, о принятии или непринятии, без малейшаго замедления определение учинить» и тех, кто определен, тут же отправлять к месту службы. Непринятым в службу предписывалось без задержания отказать и «чтоб напрасными прошениями не докучали, им объявить» [18, т. 10, № 7255].

Указом 1739 г., со ссылкой на Регламент о кадетском корпусе, запрещалось принимать на обучение в кадеты детей иностранцев, не принявших присягу на верность в российской службе. Допускались лишь исключительные случаи – по особому Ее императорского величества дозволению [18, т. 10, № 7787].

В 1764 г. Екатериной II был утвержден порядок принятия в российскую службу иностранных штаб- и обер-офицеров с понижением одного чина, а младших офицеров – прапорщиков и корнетов следовало оставлять в тех же чинах [18, т. 18, № 12836].

Один из разделов именного указа Павла I от 20 ноября 1796 г. гласил, что «желающих вступить в службу Его Императорского Величества из иностранных, кои служили у Королевских Глав, принимать теми же чинами», а служивших в других местах принимать с понижением чина [18, т. 24, № 17570].

20 октября 1783 г. указом Сената иностранцам разрешалось записываться в купцы с уплатой пошлины наравне с русским купечеством, в зависимости от того, в какую гильдию они определены [18, т. 21, № 15854].

В конце 1785 г., вскоре после опубликования Жалованной грамоты городам, законодательно была установлена необходимость записи иностранцев, «пользующихся мещанским промыслом и выгодами», в мещанство. По сути, данный документ разъяснял положения Жалованной грамоты в отношении иностранных гостей, делая исключение для тех, кто действовал на основании специально заключенных «торжественных торговых договоров» с определенными государствами [18, т. 22, № 16187, № 16303].

Указами начала 1792 г. подтверждалось ранее установленное право иностранцев записываться в казенные селения, а также предписывалось набранных в рекруты иностранцев распределять по разным военным командам, дабы предотвратить побег [18, т. 23, № 17021, № 17022].

Возможности для заведения фабрик, заводов и мануфактур. Ряд законов определял права и обязанности иностранцев при устройстве ими мануфактур, фабрик и заводов. 30 июля 1720 г. Петр I издает манифест «О допущении иностранцев к строению и размножению рудоплавильных заводов» [18, т. 6, № 3621], согласно которому на иностранцев распространялось дей-

ствие Берг-привилегии, утвержденной 10 декабря 1719 г. [18, т. 5. № 3420]. Всем «чужестранным охотникам, какого бы народа ни были», давались такие же права и привилегии, как и русским подданным, разрешалось добывать руды, строить заводы, создавать компании. Десятую часть прибыли (деньгами или металлом) они должны были платить в казну в качестве налога. Государство обязывалось оказывать им «милостивою протекцию» и получало право первого покупателя на остальную продукцию их предприятий.

Специальные пункты Регламента Мануфактур-коллегии 1723 г. посвящены правам иностранцев, касающимся заведения в России мануфактур и фабрик. Предполагалось, что российские дипломатические представители за рубежом будут «объявлять» иностранным ремесленникам и фабрикантам о вольностях, которые дарует русский император. Привилегии включали свободный приезд и выезд в любое время, беспошлинное приобретение необходимых материалов и инструментов (как в России, так и за границей), снабжение мануфактурщиков квартирами, освобождение от налогов и повинностей, протекция Мануфактур-коллегии, вспоможение из казны при устройстве фабрик. Регламент предусматривал обучение иностранными мастерами русских учеников за особое вознаграждение [18, т. 7. № 4354].

Уплата налогов, податей и владение имуществом. Для иноземцев существовали ограничения в приобретении земельной собственности. Например, по ряду указов конца 1730-х гг. не натурализовавшимся иноземцам запрещалось без особого императорского разрешения покупать деревни и земли в Малороссии [18, т. 10. № 7909].

В ходе переселения иностранных колонистов в Россию при Екатерине II наряду с ключевым Манифестом 1763 г. вводились уточняющие законодательные акты относительно выплаты разного рода пошлин. 5 мая 1765 г. был утвержден доклад Г. Г. Орлова, в котором предлагалось не брать с переселенцев пошлин при покупке ими дворов и прочего, потребного для их обзаведения, а записывать их на казенный счет. Потребность в специальном законодательном регулировании данного аспекта возникла в связи с тем, что Саратовская воеводская канцелярия взыскивала с колонистов пошлины за приобретение дворов, что противоречило положениям Манифеста 1763 г. об освобождении поселенцев от податей и обязательных служб [18, т. 17. № 12394].

18 июня 1772 г. Сенатским указом еще раз подтверждалось, что иностранцы, желающие выехать из России, обязаны заплатить десятую часть своего имущества, даже если до этого они не проживали в России, а приехали только для того, чтобы получить наследство своих умерших родственников из числа переселенцев. В тексте указа подчеркивалось, что подобная практика характерна для многих других государств [18, т. 19. № 13824].

Особые условия выплаты податей существовали для колонистов, поселившихся в Лифляндской губернии. В 1766 г. с ними были заключены контракты о том, что по истечении 10 льготных лет с каждой семьи будет взиматься по 30 талеров. Однако по прошествии указанного срока колонисты оказались не в состоянии выплачивать означенные суммы. В результате им были даны послабления в виде снижения налога до 10 талеров, а по сенатскому указу 1785 г. Рижской казенной палате вновь было велено собирать с колонистов по 30 талеров, однако в случае очевидной неспособности иностранцев к уплате названной суммы решение об уменьшении подати отдавалось на откуп Казенной палате [18, т. 22. № 16136].

Жалованная грамота городам 1785 г. устанавливала для иностранцев особые условия выплаты податей при выезде из города. Иноземцы обязывались уведомить городской магистрат, возратить все долги заимодавцам и уплатить трехгодичную городскую подать [18, т. 22. № 16187]. Данное правило распространялось, в том числе, на города с особым статусом, такие как Рига и Ревель (покидая которые иноземцы выплачивали десятую долю капитала), о чем были даны специальные сенатские указы. В случае, если иностранец приезжал только для того, чтобы получить в России наследство, то при выезде он должен был отдать десятую часть обретенного имения [18, т. 23. № 16891].

Юридический статус и судопроизводство. Помимо общих правил подсудности иностранцев, обозначенных в ключевых манифестах о вызове иностранцев, был создан ряд дополнительных законодательных норм, касающихся судопроизводства. Вот некоторые из них. Иноземцы, находившиеся на гражданской службе (коллежские вице-президенты, советники, ассесоры и пр.), согласно сенатскому указу 1720 г., попадали под юрисдикцию Юстиц-коллегии [18, т. 6. № 3658].

В 1744 г. было введено особое положение английских купцов, которые подлежали юрисдикции Коммерц-коллегии, в то время как других иностранных купцов следовало судить

в Главном магистрате. Если же у английских купцов случались тяжбы с другими иностранными или русскими торговцами, то дела надлежало разбирать Главному магистрату [18, т. 12. № 8854]. Указ Екатерины II от 13 мая 1775 г., отсылая к трактату, заключенному в 1766 г. между Англией и Россией, предписывал, что тяжбы с участием английских и русских купцов следует разбирать по законам той земли, на которой они ведут торговлю. Дела рассматривала Коммерц-коллегия [18, т. 20. № 14323].

Выявленный и проанализированный комплекс нормативно-законодательных актов показывает основные тенденции правового регулирования жизни иностранцев в России, вписывает их в социальную модель, дополняет представления о функционале различных административных структур XVIII в. Законодательство предстает как живой и подвижный материал. Законы об иностранцах создавались в режиме ответов на конкретные практические вызовы. Законодательство являлось базовым, рамочным регулятором социально-правового положения иностранцев. В большей степени в нем отразились нормы, применявшиеся в отношении иностранных колонистов, купцов, а также тех иноземцев, кто поступал на военную и гражданскую службу, *приняв российское подданство*. В то время как для наемных специалистов ключевым юридическим документом, закреплявшим их статус, служил *контракт*, а общими законодательными нормами в их отношении могли и пренебрегать. Законодательство об иностранцах представляло собой модель взаимодействия российского государства с иноземцами, во многом основанную на практике, а также с учетом опыта зарубежных европейских стран.

Список литературы

1. Голомбиевский А. А. Биография князя Г. Г. Орлова. М., 1904.
2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО).
3. Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение. Теория, история, метод. Источники российской истории. М., 2004.
4. Ермакова О. К. И. Гейденрейх и его представления о правах иностранца в России (1722–1731 гг.) // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2015. С. 102–107.
5. Ермакова О. К. Контракты с иностранными специалистами в России в XVIII – первой половине XIX в.: эволюция формы и содержания // Историческая русистика в XXI веке : материалы X Междунар. науч. конф. Будапештского центра русистики, 18–19 мая 2015 г. Будапешт : Russica Pannonica, 2017. С. 177–186.
6. Ермакова О. К. Контрактование иностранцев в начальный период реализации политики по переселению колонистов в Россию (1760-е гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. № 4. С. 505–518.
7. Ермакова О. К. Контракты с иностранными специалистами в России начала XVIII в.: происхождение источника и формирование разновидности актов // История: факты и символы. 2018. № 4 (17). С. 52–59.
8. Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005.
9. Курлаев Е. А., Корепанов Н. С., Побережников И. В. Техничко-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII–XVIII вв. Екатеринбург, 2011.
10. Мулюкин А. С. О свободе приезда иностранцев в Московское государство // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. Май. С. 58–81.
11. Мулюкин А. С. Иностранцы свободных профессий в Московском государстве // Журнал Министерства народного просвещения. 1908. Октябрь. С. 307–352.
12. Мулюкин А. С. Приезд иностранцев в Древнюю Русь. СПб., 1907. 35 с.
13. Мулюкин А. С. Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русского права XVI и XVII веков. СПб., 1909. 292 с.
14. Николаева Т. Б. Паспортная система России: формирование и механизм функционирования во второй половине XVII – начале XX в. (Историко-правовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2003. 221 с.
15. Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. М., 2007.
16. Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII в. (правовой статус и реальное положение). М., 2004. 344 с.
17. Плева И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 2008.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е (ПСЗРИ-1). СПб., 1830.
19. Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
20. Смирнова Е. С. Регулирование правового статуса иностранцев в России до начала XIX в. // Журнал российского права. 2004. № 9. С. 142–151.
21. Тесленко А. М. Правовой статус иностранцев в России: Вторая половина XVII – начало XX века : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. 20 с.
22. Social control in Europe. Vol. 1, 1500–1800 / ed. by Herman Roodenburg and Pieter Spierenburg. Columbus : Ohio State University Press, 2004.

Foreign immigrants and specialists in Russia in the XVIII century: legislative regulation of stay (based on the materials of the Full Collection of Laws of the Russian Empire)

O. K. Ermakova¹, E. Yu. Rukosuev²

¹PhD of Historical Sciences, researcher, Institute of history and archaeology
of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Yekaterinburg. E-mail: ermakovaok@mail.ru

²Doctor of Historical Sciences, leading researcher, Institute of history and archaeology
of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Yekaterinburg. E-mail: rukosuev@mail.ru

Abstract. On the basis of the materials of the Full Collection of Laws of the Russian Empire, the article discusses the legislative basis for the arrival and stay of foreign immigrants and specialists in Russia. Special attention is paid to the main directions of the state policy on attraction of foreigners, conditions of their entry, departure and movement within Russia, attitude to religion, acceptance of citizenship, conditions of service, social and legal status, ownership of property, creation of industrial enterprises, taxation.

Keywords: Russian legislation of the XVIII century, foreigners in Russia, settlers, colonists, technical and military specialists.

References

1. Golombievskij A. A. *Biografiya knyazya G. G. Orlova* [Biography of Prince G. G. Orlov]. M. 1904.
2. The state archive of Sverdlovsk region.
3. Danilevskij I. N., Kabanov V. V., Medushevskaya O. M., Rumyanceva M. F. *Istochnikovovedenie. Teoriya, istoriya, metod. Istochniki rossijskoj istorii* [Source Studies. Theory, history, method. Sources of Russian history]. M. 2004.
4. Ermakova O. K. I. *Gejdenrejkh i ego predstavleniya o pravah inostranca v Rossii (1722–1731 gg.)* [I. Heydenreich and his ideas about the rights of a foreigner in Russia (1722–1731)] // *Chelovek v usloviyah modernizacii XVIII–XX vv. : sb. nauch. st. – Man in the conditions of modernization of the XVIII–XX centuries : coll. scient. articles.* Ekaterinburg. 2015. Pp. 102–107.
5. Ermakova O. K. *Kontrakty s inostrannymi specialistami v Rossii v XVIII – pervoj polovine XIX v.: evolyuciya formy i sodержaniya* [Contracts with foreign specialists in Russia in the XVIII–first half of the XIX century: evolution of form and content] // *Istoricheskaya rusistika v XXI veke : materialy X Mezhdunar. nauch. konf. Budapeshtskogo centra rusistiki, 18–19 maya 2015 g. – Historical Rusistics in the XXI century : materials of X international scient. conf. of the Budapest centre for Russian studies, May 18–19, 2015.* Budapest. *Russica Pannonicana.* 2017. Pp. 177–186.
6. Ermakova O. K. *Kontraktovanie inostrancev v nachal'nyj period realizacii politiki po pereseleniyu kolonistov v Rossiyu (1760-e gg.)* [Contracting of foreigners in the initial period of implementation of the policy of resettlement of colonists in Russia (1760s)] // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya : Istoriya Rossii – Herald of People's Friendship Russian University. Series : History of Russia.* 2017. No. 4. Pp. 505–518.
7. Ermakova O. K. *Kontrakty s inostrannymi specialistami v Rossii nachala XVIII v.: proiskhozhdenie istochnika i formirovanie raznovidnosti aktov* [Contracts with foreign specialists in Russia of the beginning of the XVIII century: origin of the source and formation of the variety of acts] // *Istoriya: fakty i simvol'y – History: facts and symbols.* 2018. No. 4 (17). Pp. 52–59.
8. Zaharov V. N. *Zapadnoevropejskie kupcy v rossijskoj torgovle XVIII veka* [Western European merchants in Russian trade of the XVIII century]. M. 2005.
9. Kurlaev E. A., Korepanov N. S., Poberezhnikov I. V. *Tekhniko-tekhnologicheskie innovacii v gornometallurgicheskom proizvodstve Urala v XVII–XVIII vv.* [Technical and technological innovations in mining and metallurgical production of the Urals in the XVII–XVIII centuries]. Yekaterinburg. 2011.
10. Mulyukin A. S. *O svobode priezda inostrancev v Moskovskoe gosudarstvo* [About freedom of arrival of foreigners in the Moscow state] // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya – Journal of the Ministry of national education.* 1908, May. Pp. 58–81.
11. Mulyukin A. S. *Inostrancy svobodnyh professij v Moskovskom gosudarstve* [Foreigners of free professions in the Moscow state] // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya – Journal of the Ministry of national education.* 1908, October. Pp. 307–352.
12. Mulyukin A. S. *Priezd inostrancev v Drevnyuyu Rus'* [Arrival of foreigners in Ancient Russia]. SPb. 1907. 35 p.
13. Mulyukin A. S. *Priezd inostrancev v Moskovskoe gosudarstvo. Iz istorii russkogo prava XVI i XVII vekov* [Arrival of foreigners in the Moscow state. From the history of Russian law XVI and XVII centuries]. SPb. 1909. 292 p.

14. Nikolaeva T. B. *Pasportnaya sistema Rossii: formirovanie i mekhanizm funkcionirovaniya vo vtoroj polovine XVII–nachale XX v. (Istoriko-pravovoj analiz) : dis. ... kand. jurid. nauk* [Passport system of Russia: formation and mechanism of functioning in the second half of XVII–beginning of XX century (Historical and legal analysis) : dis. ... PhD of Legal sciences]. Nizhny Novgorod. 2003. 221 p.
15. Oparina T. A. *Inozemcy v Rossii XVI–XVII vv* [Foreigners in Russia in XVI–XVII centuries]. M. 2007.
16. Orlenko S. P. *Vyhodcy iz Zapadnoj Evropy v Rossii XVII v. (pravovoj status i real'noe polozhenie)* [Natives of Western Europe in Russia XVII century (legal status and real situation)]. M. 2004. 344 p.
17. Pleve I. R. *Nemeckie kolonii na Volge vo vtoroj polovine XVIII veka* [German colonies on the Volga in the second half of the XVIII century]. M. 2008.
18. Complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. 1st (PSZRI-1). SPb. 1830. (in Russ.)
19. Russian state archive of ancient acts.
20. Smirnova E. S. *Regulirovanie pravovogo statusa inostrancev v Rossii do nachala XIX v.* [Regulation of the legal status of foreigners in Russia before the beginning of the XIX century] // *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian law*. 2004. No. 9. Pp. 142–151.
21. Teslenko A. M. *Pravovoj status inostrancev v Rossii: vtoraya polovina XVII–nachalo XX veka : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal status of foreigners in Russia: the Second half of XVII–beginning of XX century : abstract of dis. ... PhD of Legal Sciences]. Ekaterinburg. 2000. 20 p.
22. *Social control in Europe. Vol. 1, 1500–1800* / ed. by Herman Roodenburg and Pieter Spierenburg. Columbus : Ohio State University Press, 2004.